

Пятничное утро, канун выходных, тьма перед рассветом.

Несколько дней назад учитель словесности дал задание: до начала следующей недели сдать выученный наизусть новый текст старосте группы.

Янь Ю не слишком преуспел в заучивании текстов, но, с его точки зрения, это было дело времени и усилий, вполне выполнимое. Поэтому он заранее решил, что пойдет сдавать тогда, когда все остальные уже закончат.

Однако со вторника по пятницу у стола старосты каждый раз выстраивалась очередь, и свободных минут просто не оставалось.

Из этого можно сделать вывод, что у Янь Ю действительно не было опыта школьной жизни. Он не знал, что некоторые одноклассники, надеясь на удачу, идут сдавать, даже если выучили кое-как, через пень-колоду. А вдруг получится? Если проскочит — считай, сорвал куш.

К тому же в этот раз задали Лисао. Его и прочитать-то непросто, не говоря уже о том, чтобы выучить наизусть.

Вот люди и ходили туда-сюда, пытаясь раз за разом, и этому, казалось, не было конца.

В пятницу, когда до дедлайна оставалось совсем немного, Янь Ю наконец решил встать в очередь.

Староста сидел в третьем ряду, и несколько человек уже успели занять места перед ним. Янь Ю с учебником в руках встал в очередь, соблюдая дистанцию в метр от впереди стоящего, хотя интервал между остальными едва достигал двадцати сантиметров. Он выглядел именно так, как в понедельник описал Чжоу Ицин: замкнутый, странный, избегающий общения.

Янь Ю не обращал внимания на любопытные взгляды, развернул книгу и принялся беззвучно повторять текст.

Стоящий впереди ученик снова запнулся:

— Скорбь в сердце, подавлены стремления... терплю, терплю...

Староста:

— Терплю...

Ученик, махнув рукой:

— Да не буду я терпеть! Хватит с меня!

Янь Ю покачал головой, отвлекся от своих мыслей, посочувствовав и ученику, и старосте.

Коридор был узким, и хотя Янь Ю удавалось держать дистанцию с теми, кто стоял впереди и позади, с соседями по бокам это было невозможно.

Две девушки рядом о чем-то спорили.

— Я вчера всю ночь не спала, волосы на себе рвала, пока писала поздравление ко дню рождения, а сегодня чуть не опоздала. Под носом у классного руководителя в класс влетела, так и не успела занести текст на радиоузел.

— И что теперь делать? Может, отпросимся на утренней зарядке? Скажем, что плохо себя чувствуем, и тайком передадим Чжоу Ицину...

— У-у-у, так хотелось сделать ей сюрприз! Если сегодня не пойдем на стадион, она точно догадается. Хотя мы теперь в разных классах, но мы навсегда останемся лучшими подругами!

Янь Ю примерно понял, о чем речь.

Каждый день после утренней зарядки во время самой длинной перемены по школьному радио транслировали передачи. Иногда это были стихи или эссе известных авторов, иногда — заметки учеников, и поздравления с днем рождения тоже входили в этот список.

Эти две девушки хотели передать текст Чжоу Ицину.

Все, что касалось Чжоу Ицина, Янь Ю старался обходить стороной, но ситуация сложилась особая...

Не раздумывая, Янь Ю по-доброму предложил:

— Девушки, староста, кажется, часто уходит по делам во время зарядки. Не хотите попросить его помочь вам?

Две взволнованные ученицы просияли:

— А ведь точно!

Янь Ю счел это отличным решением: и одноклассникам помог, и получил шанс понаблюдать за встречей Чжоу Ицина и Цзян Синши.

Двух зайцев одним выстрелом.

— Но, Янь Ю... — одна из девушек, та, что стояла слева, замялась и прошептала: — На самом деле я не очень близко знакома со старостой. Хотя все говорят, что он хороший человек и всегда готов помочь, но... мне немного боязно к нему подходить.

Она посмотрела на Янь Ю с надеждой.

Янь Ю, страдающий аллергией на людей, ради того чтобы не ронять своего достоинства перед Чжоу Ицином, иногда был готов пойти на жертвы.

В данный момент приходилось преодолевать себя.

Поскольку идея принадлежала ему, Янь Ю решил довести дело до конца:

— Я могу передать ему вашу записку.

— Янь Ю, ты такой хороший!

Получив в свою копилку два «очка доброты», Янь Ю направился к третьему ряду. Он специально замедлил шаг, но класс был невелик, и волей-неволей он оказался у парты Цзян Синши.

Цзян Синши был полностью поглощен чтением.

Ван Цзыян бросил на них взгляд, увидел стоящего рядом Янь Ю и почувствовал недоброе.

Будто тот пришел сводить счета.

Хотя Янь Ю был высокого роста, он казался хрупким и выглядел чересчур привлекательным — по сравнению с другими парнями в классе он будто был из другого измерения. Из-за проблем со здоровьем он не мог заниматься спортом. В глазах Ван Цзыяна он был обычным смазливой мальчишкой.

Янь Ю с бесстрастным лицом положил листок на стол Цзян Синши:

— Староста, тут такое дело: одна ученица просит тебя об одолжении.

Он намеренно выделил слова «одна ученица», давая понять, что просьба исходит не от него.

Ван Цзыян, подслушавший это, удивился: кто бы мог подумать, что такой человек придет просить о помощи.

Цзян Синши отложил книгу, но не посмотрел на Янь Ю, а тихо спросил:

— Что за дело?

Янь Ю ответил:

— Одна ученица хочет передать поздравление на радиоузел. Она просит тебя отдать его Чжоу Ицину до начала зарядки.

Цзян Синши промолчал.

Он не был тем добряком, который безотказно выполняет любые просьбы. Добряки часто страдают из-за собственной репутации, а Цзян Синши мастерски умел отказывать. Он отказывал не только одноклассникам, но и учителям — так решительно, что те начинали думать, будто проблема в них самих. Он делал только то, что хотел, и получал то, что планировал.

Янь Ю понял, что слишком легкомысленно отнесся к ситуации.

У Цзян Синши было право отказать.

...Неужели придется нести самому?

Если бы Янь Ю нес это поздравление, он бы, пожалуй, справился — пара слов с Чжоу Ицином его не убьет. Но, зная характер Чжоу Ицина, тот наверняка найдет предлог, чтобы придержать текст и не читать его. Тогда подруга той девушки останется без поздравления, а это уже никуда не годится.

Янь Ю не хотел такого исхода, а значит, придется поступиться достоинством перед Чжоу Ицином, да и еще неизвестно, согласится ли тот принять текст.

Теперь, оглядываясь назад, он понимал, что трудности куда серьезнее, чем казалось.

Так что же выбрать: сейчас просить Цзян Синши или потом — Чжоу Ицина?

В обоих случаях придется жертвовать достоинством, но из двух зол нужно выбирать меньшее.

Янь Ю решил сдаться.

Он, не привыкший просить, с мольбой в голосе тихо произнес:

— Староста, ты ведь такой хороший... Неужели никак нельзя?

Когда Янь Ю был не на своем месте, он всегда надевал черные шелковые перчатки, чтобы чего-нибудь не коснуться. Его пальцы казались особенно тонкими, он крепко сжимал край листка, выглядя так, будто очень боится отказа.

[Дзынь-дзынь! Поздравляем, вы открыли достижение: Первое прошение от всеми презируемого! Он никогда не склонял голову, никогда не показывал слабости, всегда настаивал на том, что справится сам. Но сейчас, при уровне симпатии -100, презируемый всеми сделал вам запрос! Он сделал маленький шаг навстречу, а ваша стратегия продвинулась на большой!]

Янь Ю: «...»

Янь Ю сделал вид, что ничего не слышал.

Цзян Синши, опустив глаза, выглядел равнодушным. Никто не мог понять, о чем он думает — откажет или согласится.

Сказал-то он красиво, а уровень симпатии не вырос ни на балл.

И когда Янь Ю уже собрался сдаться и вернуться к девушкам, чтобы обсудить другие варианты, Цзян Синши поднял голову.

Он слегка улыбнулся — доброжелательно, как всегда, будто не было никакого молчаливого отказа:

— Хорошо.

Может, Цзян Синши действительно было приятно, что человек с уровнем симпатии -100 попросил его о чем-то.

Так предположил Янь Ю.

В последние пять минут утреннего чтения Янь Ю наконец дошла очередь, и он с первой попытки сдал Лисао.

Как только прозвенел звонок, классный руководитель выгнал всех из кабинета, и класс мгновенно опустел, оставив Янь Ю в одиночестве.

Только у Янь Ю было исключение. Хотя стадион огромен, он должен вместить тысячи учеников. Там слишком тесно, и если кто-то кого-то случайно заденет, отделается царапиной, помажет зеленкой — и всё. А если Янь Ю неосторожно коснется аллергена, его придется увозить на скорой.

Из-за особых обстоятельств и высокого риска отдел образования разрешил ему не посещать утреннюю зарядку.

Янь Ю заранее продумал маршрут: поднялся по другой лестнице на пятый этаж и успел прийти раньше Цзян Синши.

Он встал в углу лестничного пролета, откуда открывался хороший обзор.

С того момента, как в понедельник Янь Ю встретился взглядом с Цзян Синши и услышал уведомление о симпатии, прошло уже несколько дней. Встречались ли Чжоу Ицин и Цзян Синши за это время, Янь Ю не знал, но такая возможность была уже неплохим результатом.

Если Чжоу Ицин тоже слышит эти уведомления, он должен был как-то себя выдать.

В конце концов, это выходило за рамки нормального мировоззрения.

Из-за своей конституции Янь Ю был крайне чувствителен ко многим аллергенам — даже если вокруг их было совсем чуть-чуть, он мгновенно их замечал. Так же было и с людьми: инстинктивно он легко улавливал их мысли и предпочтения.

Цзян Синши постучал в дверь восьмого класса, Чжоу Ицин вышел, и они коротко переговорили. Янь Ю стоял слишком далеко, а голоса были тихими, поэтому он не мог разобрать ни слов, ни увидеть перемены в выражении лица Чжоу Ицина.

Разговор был коротким, и когда он подходил к концу, Чжоу Ицин вдруг озабоченно произнес:

— Говорят, Янь Ю на днях тебя обидел.

Цзян Синши просто слушал.

Чжоу Ицин извиняющимся тоном продолжил:

— Прости его, пожалуйста. Он немного ведет себя как ребенок, никогда раньше не учился, ничего не понимает. В конце концов, Янь Ю мне кем-то вроде брата приходится, я прошу прощения за него. В будущем он сам извинится перед тобой.

В его тоне сквозила уверенность, будто он близко знаком с Янь Ю и может им управлять.

Цзян Синши вспомнил слухи среди учеников. Он знал о них, но не придавал значения — это его не касалось.

Но Чжоу Ицин вел себя уж слишком вызывающе.

Цзян Синши отступил на шаг и перестал улыбаться, показывая, что разговор окончен:

— Не нужно.

Чжоу Ицин замер:

— Тогда я на радиоузел, зарядка скоро закончится.

До этого дня Чжоу Ицин слышал имя Цзян Синши много раз — до такой степени, что это начало его раздражать. Даже если они пересекались на школьных мероприятиях, это ограничивалось кивком, и за все время они не сказали друг другу столько, сколько сегодня.

Но это не мешало Чжоу Ицину пытаться вызвать у Цзян Синши неприязнь к Янь Ю. Он прекрасно понимал: если Цзян Синши покажет, что презирает этого «незаконнорожденного брата», Янь Ю в классе вряд ли придется сладко.

Чжоу Ицин мастерски умел использовать свое влияние, чтобы травить тех, кто ему не нравился.

Ничего, еще будет шанс.

Когда Чжоу Ицин ушел, Цзян Синши как бы невзначай поднял голову и посмотрел в сторону Янь Ю.

К счастью, Янь Ю успел спрятаться и не был обнаружен.

Он прислонился к перилам, телефон внезапно завибрировал — Тань Сюмин прислал скриншоты переписки в группе.

Тань Сюмин: [Ладно этот Чжоу Ицин, но ты в школе всего ничего, как умудрился зацепиться с любимчиком всей школы Цзян Синши?]

Янь Ю пробежал глазами сообщения: в основном спрашивали, кто этот новенький из второго класса и почему он не ладит с Цзян Синши, но Цзян Синши, конечно, великодушно простил

новенького.

Врут и не краснеют.

Янь Ю разозлился: Цзян Синши явно отомстил ему, сняв лишние десять баллов.

Однако...

Янь Ю: [Постой, откуда у тебя доступ к нашим школьным сплетням?]

Тань Сюмин: [Друг ты мне или кто? Ради тебя я внедряюсь в тыл врага, тайно оберегая своего друга детства, который может откинуться от любого прикосновения.]

Янь Ю: [ ...Если тебя поймают, не смей говорить, что мы знакомы, иначе разговор окончен.]

Тань Сюмин: [Какой же ты бессердечный.]

Янь Ю, переписываясь, потерял бдительность и начал спускаться.

Столько времени прошло, Цзян Синши наверняка уже ушел.

В результате он чуть не оступился, в испуге поднял голову и встретился взглядом с янтарными глазами.

Цзян Синши.

Он стоял на нижней ступеньке четвертого этажа, в слепой зоне поворота лестницы.

Первым порывом Янь Ю было развернуться и бежать.

Цзян Синши позвал его по имени:

— Янь Ю.

Янь Ю перестал сопротивляться. Он склонил голову и, махнув телефоном, обреченно произнес:

— Хочешь снимать баллы — снимай.

В конце концов, у его симпатии есть предел, а у таблицы баллов Цзян Синши — нет.

Янь Ю был высоким и таким худым, что школьная форма сидела на нем мешковато. При резком движении закатанные рукава сползли, обнажив запястья, которые редко видели свет.

Цзян Синши замер. Он смотрел, как Янь Ю стоит на ступеньках, слегка нахмурившись и опустив глаза.

Его кожа была белой, как снег — летний снег, что-то хрупкое, готовое исчезнуть в любой момент, стоит солнцу пригреть.

Все это были пустяки, о которых Цзян Синши редко задумывался, но в моменты, когда он видел лето или снег, мысли неизбежно возвращались к этому.

<http://bllate.org/book/21746/2248168>